

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'373.612.2

Я.А. Барышева

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ
«СЕРЫЙ ЦВЕТ – НАРУЖНЫЙ ПОКРОВ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА»
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

Предпринимается попытка конструирования метафорической модели «серый цвет – наружный покров тела человека» с опорой на теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тёрнера: рассматриваются различные случаи употребления метафорических выражений с одинаковым эмерджентным признаком «болезненно бледный, больной» (на материале русского, английского и немецкого языков), представляющие собой бленды, возникшие в результате интеграции родового пространства и двух ментальных пространств «серый цвет» и «наружный покров тела человека».

Ключевые слова: метафора; ментальное пространство; контекстуальное пространство; процесс концептуальной интеграции; бленд; концептуальный признак.

Наметившийся в последнее время тотальный интерес к метафоре можно связать с теми изменениями, которые произошли в структуре и динамике современного знания о мире, а также с новым взглядом на проблему вербализации результатов научного и обыденного познания. В последние годы, по признанию многих исследователей, в лингвистике отмечается пересмотр позиций по вопросам соотношения языка и мышления, языкового отражения действительности [1. С. 4–49].

Изменения в изучении метафоры можно рассматривать как частный аспект переориентации лингвистики на максимальное содействие человеку в его научно-исследовательской, познавательной и практической деятельности, на повышение прикладной значимости лингвистики. «Ориентация на природу языка как инструмента в процессе познания, как способа выведения новых истин предопределила повышенный интерес к метафоре и рассмотрение ее в качестве основного средства мыслительной и языковой деятельности» [2. С. 119]. Интерес к метафоре связан также и с проблемами соотношения образного и логического, мышления и языка. Вслед за Е.С. Кубряковой, под метафорой понимаем одну из форм концептуализации как когнитивного процесса, в результате которого происходит формирование новых понятий [3. С. 55]. Данный феномен со времен Античности и по сей день привлекает внимание исследователей речи. В современной науке нет единого взгляда на сущность метафоры, поэтому представители разных лингвистических направлений трактуют это явление с разных позиций.

По итогам анализа основных когнитивных подходов к изучению метафор мы пришли к выводу, что одним из возможных подходов к объяснению этого феномена может служить опора на теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тёрнера, определяемой авторами как базовый когнитивный процесс, лежащий в основе человеческого мышления, который «ведет к созданию нового значения, общему представлению (global insight), концептуальной компрессии, манипуляции “распыленным” значением (manipulation of diffuse ranges of meaning)» [4. С. 283–304]. Важным для теории интегрированных пространств является понятие

сети концептуальной интеграции, состоящей из исходных ментальных пространств (Input Space 1, Input Space 2), общего пространства (generic space) и интегрированного, или «гибридного», пространства (blending). Суть этого процесса заключается в том, что слияние ментальных пространств, осуществляющееся в процессе развертывания дискурса, приводит к возникновению интегрированных пространств. Слияние пространств осуществляется благодаря соединению того общего, что есть в исходных ментальных пространствах. Сходные элементы исходных ментальных пространств отражаются в общем пространстве. Проецирование информации из исходных ментальных пространств на интегрированное осуществляется выборочно, причем проецированию подвергаются и структурные особенности, и содержание исходных ментальных пространств. Определяемое в целом исходными ментальными пространствами интегрированное пространство приобретает собственную структуру, не свойственную ни одному из исходных ментальных пространств [5. С. 142–144; 6. С. 101–124].

Ж. Фоконье определяет ментальные пространства (mental spaces) как «небольшие концептуальные области, конструируемые в процессе мышления и говорения, которые создаются в целях локализованного понимания и действия» [5. С. 3]. Другими словами, ментальные пространства представляют собой неязыковые сущности, которые, находясь в сознании индивида, взаимодействуют между собой и репрезентируются языковыми конструкциями. Ментальные пространства, хотя и формируются нашими фоновыми знаниями, не заложены в нашем сознании в виде готовых структур, а возникают каждый раз заново в ходе порождения дискурса.

Наиболее значительный вклад Ж. Фоконье и М. Тёрнера заключается во введении особого координирующего пространства – *общего пространства*, которое содержит в себе концептуальные структуры низкого уровня и служит медиатором между содержанием входных пространств, помогая им придать в структурное соответствие. Структурное соответствие состоит в таком отображении концептуальных структур од-

ного входного пространства в другое, при котором на- ступает структурное выравнивание элементов обоих пространств [5].

Опираясь на теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тёрнера, мы разработали 9 универсальных устойчивых моделей, отражающих особенности понимания метафоры. Данные модели, на наш взгляд, имеют устойчивый характер, так как отличаются своей воспроизводимостью в разнообразных контекстах употребления метафор.

В настоящей статье производится попытка рассмотрения конструирования метафорической модели «серый цвет – наружный покров тела человека», представляющей собой бленд, в котором актуализируются эмерджентные концептуальные признаки: «болезненно бледный, больной» в русском сознании, «painfully pale, ill» – в английском и, соответственно, «kränklich blass, krank» – в немецком социумах.

На основе анализа фактологического материала нами была выявлена модель «серый цвет – наружный покров тела человека», представляющая собой бленд как итог слияния двух исходных ментальных пространств. В результирующей структуре вскрывается эмерджентный концептуальный признак «болезненно бледный, больной» / «painfully pale, ill» / «kränklich blass, krank».

В качестве иллюстрации рассмотрим пример (1):

(1) *Mrs. Conway (with some emotion): <...> Only the other day, when I was sitting upstairs, I heard Carol shouting «Mo-ther, mo-ther» – you know how she used to do. And then I began thinking about her, my poor darling, and how she came in that awful day, her face quite grey, and said, «Mother, I've the most sickening pain», and then it was too late when they operated (Priestley, 1997).*

В настоящем примере отчетливо прослеживается интеграционная сеть с тремя активно действующими пространствами. В качестве базового выступает конкретная ситуация: воспоминания миссис Конвей о дне, когда ее младшая дочь (ныне покойная) сообщает о сильнейших болях: *Mother, I've the most sickening pain*. Контекст (*then it was too late when they operated*) уведомляет нас о том, что невыносимые боли стали следствием серьезного заболевания девушки, в результате которого она скоропостижно скончалась в столь юном возрасте. Второе ментальное пространство представлено адъективом *grey* с адвербом *quite*, которое информирует нас о степени серости лица дочери героини. Третье пространство содержит структуру «face is the front of the head from the forehead to the lower jaw» [7]. При сближении второго пространства с третьим на базе основного (1) «рождается» новое совмещенное пространство «grey face», которое содержит в себе элементы своих «родителей»: из пространства «grey» заимствуется уровень насыщенности цвета: бледность (paleness), а и из пространства «face» наследуется наружный покров тела человека (в нашем случае – лица), т.е. кожа (skin).

Помимо унаследованных черт, «новоиспеченное» пространство «grey face» обладает собственными уникальными признаками и свойствами: *бледный тон кожи лица*, который свидетельствует о недомогании человека. Учеными в области медицины уже давно установлено, что кожа человека является зеркалом его здо-

ровья. Цвет кожного покрова выполняет функцию отображения состояния его внутренних органов, а также состояния всего организма в целом. Действительно, по бледному цвету лица можно судить о некоторых заболеваниях индивида. Кроме того, нередко при виде человека с землистым цветом лица мы часто восклицаем: «Да на Вас лица нет! Вы случаем не заболели?».

Противоречивость свойств вышеперечисленных ментальных пространств позволяет нам выявить совершенно иную бленд-структуру, представленную метафорическим выражением «grey face», с абсолютно новым нехарактерным концептуальным признаком: «болезненно бледный, больной».

Основой метафоризации послужил перенос по цвету: *землистый цвет лица* информирует нас о неизлечимой болезни дочери главной героини пьесы.

Необходимо подчеркнуть, что бледность кожи может сообщать нам не только о заболеваниях человека, но также и о его

усталости:

(2) *Серый от усталости* и поэтому еще более хмурый Костя швырнул седло и уздечку под забор (Дивов, 1998);

страхе:

(3) Ihre Anzüge waren zerfetzt, sie hatten Beulen und Schrunden auf ihren grauen Glatzen und ihre Gesichter wirkten grau von Angst (Ende, 2000);

испуге:

(4) Уфуа, *серый от испуга*, пытался спасти свой складенький парижский пиджачок (Труд-7, 2006.11.23);

ужасе:

(5) Für einen Moment wurde sein Gesicht grau vor Schrecken, dann hatte er sich wieder in der Gewalt (Hohlbein, 1987);

(6) Он вцепился пальцами в язык и начал лихорадочно отдирать его от железа. В отчаянии он рванул его, и мы увидели на железе кожу с капельками крови. Из глаз Кузяря капали слезы. Но он улыбался дрожащей улыбкой и лепетал, весь *серый от пережитого ужаса*: – Ну, вот то-то же... Вот те трус! Я не побоялся и язык немножко припаять (Гладков, 1982);

волнении:

(7) Никич, *серый от пережитых волнений*, оторвался от перил. – Это Ленька-Бублик... Ему можно верить, – с облегчением сказал он (Осеева, 1967);

бессоннице:

(8) У печки маялся *серый от бессонницы* Валентин, качавший больную руку, и стоял квадратный, как шкаф, парень (Куваев, 1978);

нестерпимой боли:

(9) Salid lächelte kalt, drehte den Mann mit dem Fuß auf den Rücken und setzte die Mündung seines Gewehrs auf das andere Knie des Verletzten. «Nun, mein Freund?» fragte er. «Soll ich abdrücken?»

«Don't, please», stöhnte der Mann. Sein Gesicht war grau vor Schmerzen. Er wimmerte. «Please...» (Hohlbein, 1995);

смерти:

(10) Они вошли. Николай кинулся к дивану, на котором лежал его друг. – О Боже! – воскликнул он, увидев *серое лицо* Любченко. – Он мертв (Дворецкий, 2000).

Исходя из примеров, мы можем предположить, что серый цвет кожных покровов является отражением как

физиологических особенностей, так и психоэмоциональных состояний, репрезентирующих базовые эмоции человека (страх, грусть, волнение и пр.). Перечисленные эмоции являются врожденными и универсальными. В обоснование данного утверждения ученые апеллируют к тому факту, что эти эмоции обнаруживаются во всех без исключения культурах [8].

Кроме того, кожа лица может принять серый цвет под влиянием пагубных привычек, таких как алкоголь, курение, наркомания и пр.:

(11) *Старый, поросший седой щетиной, серый и одутловатый Аверьянов* – в драных валенках и старом пальто, подпоясанный тоненьким дамским кушачком – как вошел, так и замер в дверях, словно не веря своим остекленевшим *от пьянства* глазам и стараясь поглубже вжаться в дверной косяк. <...> Венцлов <...> жестко спросил: – Господин Аверьянов Степан Наумович? – Так точно, – глухим, *пропитым голосом* ответил бухгалтер (Герман, 1993).

В приведенных выше примерах метафора реализуется как посредством адекватных словосочетаний (*grey face; серое лицо; серый Аверьянов*), так и с помощью субстантивированных адективов (*серый от усталости; серый от испуга; серый от пережитого ужаса; серый от пережитых волнений; серый от бессонницы; grau von Angst; grau vor Schrecken; grau vor Schmerzen*).

Небезынтересно отметить, что серый цвет кожи может быть признаком естественного или преждевременного старения:

(12) Отец очень исхудал и осунулся. Волосы еще больше поседел, только усы, как прежде, черные. Мешки под глазами сильно обвисли. *Цвет лица серый от долгого пребывания в камере* (Бережков, 1998);

(13) A crowd of pink, white, brown and black people; all blue with unnatural cold, *grey from lack of oxygen*, and yellow with pent-up bile (Rowe, 1990).

В примере (12) естественный цвет лица отца героя поменялся на серый в связи с его длительным пребыванием в закрытом помещении (*цвет лица серый от долгого пребывания в камере*). Контекстуальное окружение сообщает информацию о том, что человек долгое время находился в тюрьме, которая, в свою очередь, наложила на него заметный отпечаток: мужчина постарел, исхудал, осунулся. Из примера (13) мы видим, что недостаток кислорода (*grey from lack of oxygen*) явился причиной изменения цвета покровов людей.

Анализируя корпус примеров, мы выделили группу метафорически переосмысленных выражений, в которой исследуемый колоратив активно употребляется с концептуальной областью «тело человека», репрезентированную лексемами *тело, лицо, шея, щеки, губы, руки, пальцы / a body, a face, a neck, cheeks, lips, hands, fingers / der Körper, das Gesicht, der Hals, die Wangen, die Lippen, die Hände, die Finger* и пр. Например:

(14) Weichsler sah an sich herab und erinnerte sich plötzlich wieder an das Gefühl von nachgebendem Widerstand, als er seinen Fuß losgerissen hatte. <...> Sein rechter Knöchel wurde von *einer grauen Hand* umklammert, die dicht über dem Gelenk abgerissen war (Hohlbein, 1995);

(15) Manchmal schien er in den Schatten über sich *ein graues Gesicht* zu sehen, das zu ihm sprechen wollte –

ernst, bärtig, voller Schlamm, die scheußliche Visage eines Mannes, der längst schon tot war... (Gruner, 2007);

(16) Mathews was trembling, *a shrunken grey-faced sick man* whose lower lip and lower eyelids sagged (Hammett, 1937);

(17) Leise trat ich an das schmale, an der Wand verschraubte Bett, beugte mich über den Schlafenden und betrachtete sein Gesicht. <...> *Seine Wangen* waren *noch immer grau* und eingefallen, und unter den großen, in den letzten Tagen vom Fieber trübe gewordenen Augen lagen tiefe schwarze Ringe (Hohlbein, 1987);

(18) Die dreieckigen Rückenflossen durchschnitten das Meer wie bizarre Messer... mit weiten Augen starteten die Menschen über die Reling auf die wendigen, *grauen, torpedoähnlichen Leiber*. Überall waren sie, rund um das Schiff... ein mitleidloser, gefräßiger, gräßlicher, unentrinnbarer Tod (Konsalik, 1982);

(19) В люльке <...> лежал *серый ребенок*; от краев губ у него к ноздрям шли две морщины, глубокие как трещины, и черные луночки под веками. Когда над ним наклонилась Маруся, *серое лицо* вдруг мучительно искажилось, трещины растянулись до глаз, изо рта показались багровые десны, крошечный подбородок заострился, как у мертвого (Жаботинский, 2002).

Примеры (14)–(19) представляют различные случаи употребления метафорических выражений с одинаковым эмерджентным признаком «болезненно бледный, больной» / «painfully pale, ill» / «kränklich blass, krank». Данные высказывания служат яркой иллюстрацией действия теории смешанных пространств. «Гибридное» пространство (blending) образуется в результате интеграции общего пространства и двух исходных ментальных пространств «серый» и «наружный покров тела человека», последнее из которых репрезентировано лексемами *die Hand* (14), *das Gesicht* (15), *a face* (16), *die Wangen* (17), *die Leiber* (18), *лицо* (19). Выбор имени для второго пространства не был случайным, поскольку НЕ само человеческое тело и его части (голова, конечности) приобретают оттенок бледного цвета, а кожа, в которую они «облачены».

В ходе исследования фактологического материала мы отметили тот факт, что каждый раз в процессе развертывания ментальных пространств (общего и двух входных) происходит создание бленда, эмерджентным признаком которого является появление концептуального признака «болезненно бледный, больной». Ментальное пространство 1 вне зависимости от ментального пространства 2 регулярно активизируется лексемой «серый». В связи с этим в качестве имени данного пространства может служить название ядра одноименного концепта. В активации ментального пространства 2 участвуют разные лексемы, которые в результате приводят к образованию одного и того же бленда. Следовательно, лексемы, репрезентирующие ментальное пространство 2, обладают общими свойствами и являются составляющими одного и того же концепта.

В заключение мы приходим к следующим выводам:

1) при пересечении двух входных пространств происходит межпространственное картирование, т.е. поиск точек возможного соприкосновения соотносимых понятий, а результирующая структура («гибридное» пространство) переживается как метафора;

2) элементы входного пространства 2 являются неотъемлемой частью базового (контекстуального) пространства;

3) разработанная модель «серый цвет – наружный покров тела человека» на основе схемы модели совмещенных пространств Ж. Фоконье и М. Тёрнера позволяет инферировать концептуальные признаки «болезненно бледный, больной», «painfully pale, ill», «kränklich blass, krank» в русском, английском и немецком социумах;

4) анализ примеров подтверждает, что, несмотря на изменение лексем, участвующих в активации ментального пространства 2, бленд остается тот же;

5) серый цвет кожных покровов является отражением как физиологических особенностей, так и психоэмоциональных состояний, репрезентирующих базовые эмоции человека, такие как страх, горе, испуг, грусть и пр.

Концептуальная интеграция демонстрирует не только то, как заимствуются элементы из исходных структур, но и как появляются элементы, присущие только порождаемой концептуальной структуре. Теория интегрированных пространств Ж. Фоконье и М. Тёрнера позволяет иначе взглянуть на проблему порождения новой концептуальной структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костюшкина Г.М. Концептуализация опыта в языковых системах // Костюшкина Г.М. и др. Концептуализация и категоризация в языке. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2006. С. 4–49.
2. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2000. 190 с.
3. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
4. Fauconnier G., Turner M. Compression and global insight // Cognitive linguistics. 2000. № 11. P. 283–304.
5. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 190 p.
6. Grady J., Oakley T., Coulson S. Blending and metaphor. In metaphor in cognitive linguistics. Amsterdam : John Benjamins, 1999. P. 101–124.
7. Collins English Dictionary. 8th ed. Glasgow : HarperCollins Publishers, 2006. URL: <http://www.collinslanguage.com/>
8. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Языки славянской культуры, 1996. 363 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

- Priestley J.B. Time and the Conways. М. : Менеджер, 1997. 208 с.
- Дивов О.И. Молодые и сильные выживут. М. : ЭКСМО, 1998. 640 с.
- Ende M. Momo oder – Die seltsame Geschichte von den Zeit-Dieben und von dem Kind, das den Menschen die gestohlene Zeit zurückbrachte. Ein Märchen-Roman. Stuttgart ; Wien : Thienemann, 2000 (1982). 272 s.
- Гареев З. Василий Аksenov: Как нам устаканить Россию // Труд-7. 23 ноября 2006.
- Hohlbein W. Der Hexer von Salem. Augsburg : Gustav H. Lübbe GmbH & Co, Bergisch Gladbach, 1987. 794 s.
- Гладков Ф.В. Цемент. Повесть о детстве. М. : Правда, 1982. 736 с.
- Осеева В.А. Динка. М. : Детская литература, 1967. 589 с.
- Куваев О.М. Территория. М. : Профиздат, 1978. 463 с.
- Hohlbein W. Der Widersacher. Leipzig : Gustav Lübbe Verlag, 1995. 512 s.
- Дворецкий Л.С. Шакалы. М. : Вагриус, 2000. 380 с.
- Герман Ю.П. Дорогой мой человек. М. : Рипол, 1993. 432 с.
- Бережков В.М. Рядом со Сталиным. М. : Вагриус, 1998. 480 с.
- Rowe M. So very English. London : Serpent's Tail, 1990. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
- Gruner A. Unter dem Brunnen. Hamburg : Nemed House. 2007. 279 s.
- Hammett D. The Glass Key. New York : Knopf, 1931. 285 p.
- Konsalik H. Haie an Bord. Bayreuth : Hestia-Verlag GmbH, 1982. 284
- Жаботинский В.Е. Пятеро. М. : Независимая газета. 2002 (1936). 448 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 марта 2012 г.